

Конни Уиллис Даже у королевы

ISBN 5-7841-0288-5

Оригинал: Connie Willis, "Even the Queen", 1992

Перевод: Милена В. Гитт

Аннотация

Конни Уиллис – одна из самых известных писательниц нового поколения американских фантастов, собравшая рекордное количество премий. Её рассказы получили высокую оценку и покорили сердца читателей бесподобным юмором, неистощимой изобретательностью, раскрепощенной фантазией и мастерским владением сюжетом.

Рассказ «Даже у королевы» удостоен премии «Хьюго» 1993 года.

Телефон зазвонил как раз в ту минуту, когда я наблюдала за тщетными попытками защиты закрыть дело.

– Универсальный звонок, – доложил мой заместитель Байш, подходя к аппарату. – Это, наверное, подзащитный. Из тюрьмы запрещено звонить с опознавательным кодом.

– Да нет, – сказала я. – Это моя мать.

– О-о! – Байш снял трубку. – А почему она не пользуется своим кодом?

– Знает, что я не хочу с ней разговаривать. Похоже, она проведала о том, что натворила Пердита.

– Твоя дочка? – спросил он, прижав трубку к груди. – Эта та, у которой малышка?

– Нет, та у Виолы. Пердита – моя младшенькая. Бестолковая.

– И что же она натворила?

– Вступила в кружок циклисток.

Байшу, похоже, это ни о чем не говорило, но у меня было не то настроение, чтобы просвещать его. А также беседовать с мамулей.

– Я знаю совершенно точно, что скажет мамочка. Она спросит, почему я ей не сообщила о поступке Пердиты, потом захочет узнать, какие меры я собираюсь принять, а я

ответу, что не могу сделать больше того, что уже сделала.

Байш был сбит с толку.

– Хочешь, я скажу ей, что ты в суде?

– Нет. Рано или поздно с ней все равно придется разговаривать. – И я взяла трубку.

– Привет, мама, – сказала я.

– Трейси, – трагическим голосом произнесла мамуля, – Пердита стала циклисткой.

– Знаю.

– Почему ты мне не сказала?!

– Я решила, что Пердита должна сама рассказать тебе об этом.

– Пердита! – Она фыркнула. – Она бы нипочем мне не сказала. Она знает, что я бы ей ответила. Полагаю, ты уже сообщила об этом Карен.

– Карен здесь нет. Она в Ираке.

Нет худа без добра. Спасибо Ираку, который из шкуры вон лезет, силясь доказать, что он – ответственный член мирового сообщества, а его пристрастие к самоуничтожению осталось в прошлом. Благодаря ему моя свекровь находилась в единственном на всей планете месте, где телефонная связь настолько плоха, что я могла сказать матери, будто пыталась дозвониться, но не сумела, и ей пришлось бы мне верить.

Освобождение избавило нас от всевозможных бедствий вроде иракских Саддамов, но свекрови, увы, в их число не попали. Я была почти благодарна Пердите за то, что она так удачно выбрала время, – конечно, в те редкие минуты, когда мне не хотелось хорошенько ее отшлепать.

– А что Карен делает в Ираке? – поинтересовалась мамуля.

– Ведет переговоры с палестинцами.

– А тем временем ее внучка ломает себе жизнь, – гнула свое мамуля. – А Виоле ты сказала?

– Повторяю, мама. Я подумала, что Пердита должна всем вам сообщить о своем решении сама.

– Ну так знай, что этого не случилось. Сегодня утром одна из моих пациенток, Кэрол Чен, позвонила мне и говорит: дескать, ей известно, что я от нее скрываю. А я даже понятия не имела, о чем это она.

– А как об этом пронюхала Кэрол Чен?

– От своей дочки, которая чуть было не заделалась циклисткой в прошлом году. Вот ее семья сумела отговорить девчонку, – произнесла мамуля с упреком. – Кэрол была убеждена, что какая-то медицинская компания обнаружила некий ужасный побочный эффект амменерола и скрывает это. И все же я не понимаю, как ты могла держать меня в неведении, Трейси!

Я в этот миг думала, что не понимаю, почему не попросила Байша сказать, что я в суде.

– Повторяю, мама. Мне показалось, что Пердита сама должна ввести тебя в курс дела. В конце концов это ведь ее собственное решение.

– Ох, _Трейси_! – воскликнула мамуля. – Неужели ты и в самом деле так считаешь?

Давным-давно, когда подул первый вольный ветерок Освобождения, я лелеяла надежду, что теперь-то все изменится, придет конец неравенству и засилью матриархата и мир избавится от тех лишенных чувства юмора особ, которые заливаются краской, слыша слово «сучка».

Конечно, ничего этого не произошло. Мужчины по-прежнему зарабатывают больше, слова-паразиты благоденствуют в цветнике родной речи, а моя мать по-прежнему произносит «Ох, _Трейси_!» таким тоном, что я начинаю чувствовать себя сопливой девчонкой.

– «Ее решение»! – передразнила мамуля. – Ты хочешь сказать, что собираешься безучастно взирать, как твоя дочь совершает главную ошибку всей своей жизни?

– А что я могу сделать? Пердите двадцать два года, и ей не откажешь в здравом смысле.

– Будь у нее хоть капля здравого смысла, она бы так не поступила. Неужели ты не пыталась ее отговорить?

– Конечно, пыталась.

– Ну и?

– И я не преуспела. Она твердо решила стать cyclistкой.

– Нет, мы должны что-то сделать! Наложить судебный запрет, или подрядить депрограмматора, или устроить cyclistкам промывание мозгов. Ведь ты судья, и ты можешь откопать какой-нибудь закон...

– Законом провозглашена независимость личности. А поскольку именно закон сделал возможным Освобождение, его вряд ли удастся обратить против Пердиты. Ее выбор отвечает всем критериям Определения Независимой Личности: это личное решение, принятое независимым взрослым человеком, которое не задевает никого...

– А как насчет моей практики? Кэрол Чен утверждает, что шунты вызывают рак.

– Медицинская наука вообще склонна считать любую болезнь результатом каких-то внешних воздействий. Вроде пассивного курения. Здесь этот номер не пройдет. Мама, нравится нам или нет, у Пердиты есть полное право поступить по-своему, а у нас нет никаких оснований вмешиваться. Свободное общество возможно лишь тогда, когда мы уважаем чужое мнение и не лезем не в свое дело. Мы должны признать право Пердиты на собственное решение.

Все это было правдой. Жаль только, что я не смогла сказать все это Пердите, когда она мне позвонила. Я только брякнула в точности мамочкиным тоном: «Ох, _Пердита_!»

– Во всем виновата ты, – заявила мать. – Я ведь _говорила_ тебе, что нельзя позволять ей делать на шунте эту татуировку. И не рассказывай мне сказки о свободном обществе. Что в нем хорошего, если оно позволяет моей внучке разрушать свою жизнь? – И она бросила трубку.

Я вернула телефон Байшу.

– Мне страшно понравилось, когда ты толковала об уважении права своей дочери на самостоятельное решение, – заметил мой помощник, подавая мантию. – И насчет того, чтобы не вмешиваться в ее личные дела.

– Я хочу, чтобы ты нашел мне прецеденты депрограммирования, – отозвалась я, всовывая руки в рукава. – И посмотри, не обвинялись ли cyclistки в каких-нибудь нарушениях свободы выбора – промывании мозгов, запугивании, принуждении...

Раздался звонок, и вновь универсальный.

– Алло, кто говорит? – на всякий случай спросил Байш. Неожиданно его голос смягчился. – Минутку. – И он зажал ладонью трубку. – Это твоя дочь Виола.

Я взяла трубку:

– Привет, Виола.

– Я только что говорила с бабушкой, – дoloжила моя дочурка. – Ты просто не поверишь, что на сей раз выкинула Пердита. Она примазалась к cyclistкам.

– Знаю.

– Ты _знаешь_? И ты мне ничего не сказала? Просто не верится. Ты никогда мне ничего не говоришь.

– Я решила, что Пердита должна сама поставить тебя в известность, – устало сказала я.

– Ты что, смеешься? Да она тоже все от меня скрывает. В тот раз, когда ей взбрело на ум имплантировать себе эти ужасные брови, она молчала об этом три недели. А когда сделала лазерную татуировку, вообще ничего не сказала. Мне сообщила об этом _Твидж_! Ты должна была позвонить мне. А бабушке Карен ты сказала?

– Она в Багдаде, – мстительно произнесла я.

– Знаю. Я ей звонила.

– Ох, Виола, ну как ты могла!

– В отличие от тебя, мамочка, я считаю, что должна говорить членам нашей семьи о том, что их касается.

– И что же она? – У меня перехватило дыхание.

– Я не смогла дозвониться. Там ужасная связь. Мне попался какой-то тип, который совершенно не понимал английского. Я повесила трубку и попробовала еще раз, и мне сказали, что весь этот город отключен.

Слава Богу, подумала я, тихонько переводя дух. Слава Богу, слава Богу.

– Бабушка Карен имеет право знать, мама. Подумай только, как это может подействовать на Твидж. Ведь она считает Пердиту образцом для подражания. Когда Пердита имплантировала эти ужасные брови, Твидж наклеила себе на лоб пару клепучек, и я еле-еле их потом отодрала. А что, если Твидж тоже вздумает податься в циклистки?

– Твидж всего девять лет. К тому времени, когда ей понадобится шунт, Пердита и думать забудет об увлечениях молодости. – «То есть я на это надеюсь», – добавила я про себя. Татуировка украшала Перлиту уже полтора года, и не похоже, чтобы очень ей надоела. – И, кроме того, у Твидж больше здравого смысла.

– Это верно. Ох, мама, ну как Пердита _могла_ так поступить? Разве ты не объяснила ей, как это ужасно?

– Объяснила, – ответила я. – Ужасно, старомодно, негигиенично и болезненно. И все это не произвело на нее ни малейшего впечатления. Она заявила, что, по ее мнению, это будет ужасно весело.

Байш показал на часы и одними губами произнес:

– Пора отправляться в суд.

– Весело! – воскликнула Виола. – И ведь она видела, чего мне стоило пережить то время. Честное слово, мам, иногда мне кажется, что у нее вообще нет мозгов. А ты не можешь добиться, чтобы ее признали недееспособной, засадили за решетку или еще куда?

– Нет, – ответила я, тщетно пытаюсь застегнуть мантию одной рукой. – Виола, мне нужно идти. Я опаздываю в суд. Боюсь, мы не можем сделать ничего, чтобы остановить ее. Она разумный взрослый человек.

– Разумный! – фыркнула Виола. – Она совсем чокнулась с этими своими бровями. У нее лазерная татуировка на руке – «Последний Стояк Кастера»!

Я протянула трубку Байшу:

– Скажи Виоле, что я поговорю с ней завтра. – Я наконец справилась с застежкой. – А потом позвони в Багдад и узнай, долго ли там будут отключены телефоны. А если будут еще универсальные звонки, убедись, что они местные, прежде чем снимать трубку.

И я отправилась в зал заседаний.

Байш не смог дозвониться до Багдада, что я сочла добрым знаком. О моей свекрови не было ни слуху ни духу. В полдень позвонила мамуля и поинтересовалась, можно ли на законном основании сделать лоботомию.

Она позвонила снова на следующий день. Я как раз читала лекцию об Определении Независимой Личности, рассказывая студентам о неотъемлемом праве любого гражданина свободного общества делать из себя законченного болвана.

– По-моему, это твоя мать, – прошептал Байш, протягивая трубку. – Она опять пользуется универсальным номером, хотя звонит по местному. Я проверил.

– Привет, мам, – сказала я.

– Мы все устроили, – сообщила мамуля. – Мы пообедаем с Пердитой в «Мак-Грегорсе». Это на углу Двенадцатой улицы и Лоримера.

– У меня лекция в разгаре.

– Знаю. Я тебя надолго не оторву. Я просто хотела сказать тебе, чтобы ты не беспокоилась. Я обо всем позабочусь.

Мне не понравилось то, как это прозвучало.

– Что ты затеяла?

– Пригласила Пердиту пообедать с нами. Я же тебе сказала. В «Мак-Грегорсе».

– А кто это «мы», мама?

– Просто наша семья, – невинно ответила мамуля. – Ты и Виола.
Ну, по крайней мере она не притащит с собой депрограмматора. Пока.
– Что ты задумала, мама?
– И Пердита спросила то же самое. А что, бабушке нельзя пригласить внучку пообедать? Приходи туда в половине первого.
– У нас с Байшем запланирована встреча в суде в три.
– О, тогда нам хватит времени. Кстати, захвати Байша. Он будет представлять мужскую точку зрения.
Она повесила трубку.
– Придется тебе обедать со мной, Байш, – сказала я. – Прости.
– А что? На этом обеде произойдет какой-нибудь скандал?
– Понятия не имею.

На пути к «Мак-Грегорсу» Байш выложил мне все, что ему удалось узнать о циклистках.

– Это не культ. У них нет религиозной привязки. Кажется, впервые они заявили о себе еще до Освобождения, – тараторил мой заместитель, сверяясь со своими записями. – Хотя есть кое-какие связи с движением за свободу выбора, Висконсинским университетом и музеем Современного Искусства.

– Что?

– Они называют своих предводительниц наставницами. Похоже, их философия представляет собой смесь радикального феминизма с лозунгами защитников окружающей среды восьмидесятых годов. Они вегетарианки и не склонны к юмору.

– Ни шутов, ни шунтов, – подытожила я. Мы остановились у «Мак-Грегорса» и выбрались из автомобиля.

– А в использовании каких-нибудь средств для управления сознанием они замечены не были? – с надеждой спросила я.

– Нет. Зато полным-полно исков против отдельных членов, и все они выиграли.

– По Определению Независимой Личности.

– Ага. А также одно уголовное дело, возбужденное некой участницей этого движения, члены семьи которой пытались ее депрограммировать. Депрограмматора приговорили к двадцати годам, а родственников – к двенадцати.

– Не забудь упомянуть об этом при мамуле, – сказала я, открывая дверь заведения.

Это был один из тех ресторанчиков, где вьюнок обвивает столик метрдотеля, а в зале повсюду разбросаны островки растительности.

– Его предложила Пердита, – объяснила мамуля, провожая нас с Байшем мимо зарослей к нашему столику. – Она сказала, что большинство циклисток – вегетарианки.

– А она пришла? – спросила я, огибая оплетенную огурцами стойку.

– Пока нет.

Мамуля указала на беседку из роз:

– Вон наш столик.

«Наш столик» оказался плетеным из прутьев сооружением, укрывшимся под шелковичным деревом. Виола и Твидж восседали в дальнем углу под увитой фасолью шпалерой, рассматривая меню.

– А ты что здесь делаешь, Твидж? – спросила я. – Почему ты не в школе?

– А я все равно что там, – ответила она, поднимая свою лазерную доску. – Учусь на расстоянии.

– Я решила, что наша беседа должна касаться и ее, – заявила Виола. – В конце концов ей скоро тоже придется получить шунт.

– А вот моя подруга Кинси говорит, что она не будет его носить. Как Пердита, – сообщила Твидж.

– Я уверена, что Кинси изменит свое мнение, когда придет время, – сказала мамуля. – И Пердита тоже. Байш, не сядешь ли рядом с Виолой?

Байш послушно забрался под шпалеру и уселся на плетеный стул. Твидж потянулась через Виолу, передавая ему меню.

– Отличный ресторанчик, – заявила она. – Тут можно ходить без обуви. – И в доказательство она задрала босую ногу. – А если проголодаешься, пока ждешь свой заказ, можно что-нибудь поклевать. – Крутанувшись на стуле, она сорвала пару зеленых стручков. Один протянула Байшу, второй надкусила сама. – Спорим, что Кинси не передумает! Кинси говорит, от шунта боль еще хуже, чем от растяжения связок.

– А без него боль куда сильнее, – заверила ее Виола, бросив на меня выразительный взгляд, означавший: «Ну вот, теперь ты видишь, что натворила моя сестра?»

– Трейси, почему бы тебе не сесть напротив Виолы? – предложила мамуля. – А Пердиту, когда она явится, мы посадим рядом с тобой.

– Если она явится, – заметила Виола.

– Я попросила ее прийти в час, – сказала мамуля. – Так что у нас есть возможность выработать стратегию до ее прихода. Я говорила с Кэрл Чен...

– Ее дочь чуть было не стала циклисткой в прошлом году, – пояснила я Виоле и Байшу.

– Кэрл сказала, что они собрались всей семьей, вот как мы сейчас, и просто поговорили с дочерью. И та в конце концов решила, что не будет становиться циклисткой. – Она обвела взглядом стол. – Мне кажется, что нам следует поступить так же. По-моему, сначала мы должны объяснить Пердите важность Освобождения и рассказать о временах ужасного угнетения, которые ему предшествовали...

– А по-моему, – прервала ее Виола, – мы должны попытаться уговорить ее прожить несколько месяцев без амменерола, вместо того чтобы удалять шунт. Если только она придет. Я в этом не уверена.

– Почему бы и нет?

– А что бы ты делала на ее месте? Я хочу сказать, что все это напоминает мне суд инквизиции. Она должна будет сидеть, слушать и оправдываться, одна против всех. Может, она и чокнутая, но душой ее не назовешь.

– Никакая это не инквизиция, – возмутилась мать. Она озабоченно поглядела мимо меня на входную дверь. – Я уверена, что Пердита... – Она запнулась, встала и неожиданно бросилась в заросли аспарагуса.

Я обернулась, ожидая узреть Пердиту с обесцвеченными губами или татуировкой на всем теле, но сквозь листву ничего не было видно. Я отвела ветви в сторону.

– Неужто Пердита? – спросила Виола, подаваясь вперед.

Я всмотрелась в просвет шелковичных ветвей.

– О Господи, – только и смогла я выговорить.

Это была моя свекровь в чем-то просторном, черном и шелковом. Она устремила к нам прямо по тыквенной грядке. Ее одежды развевались, а глаза сверкали. Наградив меня гневным взглядом, мамуля бросилась навстречу, оставляя в кильватере полосу помятой редиски.

Я точно так же посмотрела на Виолу.

– Это твоя бабушка Карен, – укоризненно произнесла я. – Ты же сказала мне, что не смогла ей дозвониться.

– А я и вправду не смогла, – ответила она. – Твидж, сядь прямо. И положи свою дощечку.

В розовой беседке послышался злобный шелест, листья затрепетали, и появилась моя свекровь.

– Карен! – воскликнула я, изо всех сил пытаясь изобразить радостное удивление. – Каким ветром тебя сюда занесло? Я думала, ты в Багдаде.

– Я вернулась домой, как только получила весточку от Виолы, – холодно проговорила она, рассматривая всех по очереди. – А это кто? – Ее осуждающий взгляд остановился на

моем помощнике. – Новый сожитель Виолы?

– Нет! – испуганно воскликнул Байш.

– Это мой заместитель, – объяснила я. – Байш Адамс-Харди.

– Твидж, а ты почему не в школе?

– А я как раз в школе, – сказала Твидж. – Я присутствую на уроке. – И она подняла свою дощечку. – Видишь? Идет математика.

– Ясно. – Свекровь повернулась, чтобы обрушиться на меня. – Значит, это достаточно серьезный повод для того, чтобы оторвать мою правнучку от занятий в школе. К тому же вам потребовалась помощь юриста. И все же ты не считаешь дело достаточно важным, чтобы сообщать о нем _мне_! Конечно, ты _никогда_ мне ничего не говоришь, Трейси!

Она плюхнулась на самый дальний стул, взметнув в воздух целое облако листьев и лепестков душистого горошка и обезглавив капусту, украшавшую наш столик.

– Я не знала о том, что Виоле нужна помощь, до вчерашнего дня. Виола, никогда ничего не передавай через Хассима. Он почти не говорит по-английски... Твой опознавательный код я кое-как разобрала, но телефонная сеть не работала, и мне пришлось лететь самой. В разгар переговоров, заметьте.

– И как идут переговоры, бабушка Карен? – поинтересовалась Виола.

– Они _шли_ достаточно хорошо. Израильтяне отдали палестинцам пол-Иерусалима и договорились вскоре поделить Голанские высоты.

Она бросила на меня гневный взгляд.

– Вот _они_ понимают важность связи. – Карен снова повернулась к Виоле: – Так из-за чего на тебя все ополчились. Виола? Им не нравится твой новый сожитель?

– Я вовсе не ее сожитель, – запротестовал Байш.

Я часто удивляюсь, как моей свекрови удалось сделаться дипломатом. Трудно представить, чтобы она могла быть полезна на всех этих посреднических заседаниях со всякими сербами и католиками, протестантами и хорватами, Северной и Южной Кореей. Она примыкает сразу к обеим враждующим партиям, делает слишком поспешные выводы, неверно истолковывает любые доводы собеседника и отказывается кого-либо слушать. И все же Карен сумела так уболтать Южную Африку, что ее главой стал Мандела. Она же, вероятно, заставила палестинцев принять во внимание Йом Киппур [еврейский национальный праздник]. Наверное, она просто запугивает противника до состояния рабской покорности. Или, может быть, враждующие стороны объединяются для того, чтобы общими усилиями защититься от нее.

Байш продолжал негодовать:

– Я ни разу не видел Виолу до сегодняшнего дня. Я и по телефону-то разговаривал с ней всего несколько раз.

– Ты, должно быть, что-то натворила, – проницательно заметила Карен, обращаясь к Виоле. – Ясно, что они жаждут твоей крови.

– Не моей, – возразила Виола, – Пердиты. Она стала cyclistкой.

– Мотоциклисткой? Так, значит, я бросила переговоры с Западным берегом только потому, что вам не нравится, что девочка стала ездить на мотоцикле? Как, по-вашему, я объясню это президенту Ирака? Она _не_ поймет этого, и я тоже. Мотоциклистка, подумать только!

– У cyclistок нет мотоциклов, – сказала мамуля.

– У них есть менструации, – брякнула Твидж. По меньшей мере на целую минуту воцарилась тишина, и я подумала: «Ну вот, свершилось». Неужели мы с моей свекровью примем одну сторону в этом семейном споре?

– Так, значит, весь сыр-бор разгорелся только оттого, что Пердита удалила шунт? – наконец спросила Карен. – А разве она не совершеннолетняя? И это, безусловно, тот случай, где действует Определение Независимой Личности. Уж ты-то должна это знать, Трейси. Ты же в конце концов судья.

Я просто ушам своим не верила. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Уж не хочешь ли ты сказать, будто тебе все равно, что она ни во что не ставит великие свершения Освобождения? – возопила мамуля.

– Мне это вовсе не кажется преступлением, – заявила Карен. – На Среднем Востоке тоже, знаете ли, существуют антишунтовые группы, но никто не принимает их всерьез. Даже иракские женщины. Они до сих пор закрывают лицо покрывалом.

– А вот Пердита принимает их всерьез.

Карен отмела возражение решительным взмахом черного рукава.

– Это просто причуда. Вроде микроюбок. Или этих забавных электронных бровей. Порой некоторые женщины ненадолго увлекаются подобными странностями, но ведь не все поголовно сходят с ума от веяний моды.

– Но Пердита... – заикнулась было Виола.

– Если Пердите хочется, чтобы у нее были месячные, – пускай. Тысячи лет женщины прекрасно обходились без шунтов.

Мамуля побагровела.

– Так же _прекрасно_ они уживались с крысами, холерой и корсетами, – сказала она, подкрепляя каждое слово ударом кулака по столу. – Однако нет никакой причины заводить их добровольно, и я не собираюсь позволять Пердите...

– Да, кстати, а где же сама бедняжка? – спросила Карен.

– Появится с минуты на минуту, – ответила мать. – Я пригласила ее на обед, так что мы можем обсудить это с ней.

– Ага, – кивнула Карен. – Ты хочешь сказать, можем дать ей такую затрещину, что она изменит свое решение. Ну, у меня нет никакого желания сотрудничать с вами. Я собираюсь выслушать мнение бедной малышки с интересом и пониманием. «Уважение» – вот то ключевое слово, которое вы все, кажется, забыли. Уважение и обыкновенная вежливость.

У нашего столика вдруг появилась босоногая молодая женщина в комбинезоне в цветочек и с красным шарфом, повязанным на левой руке. В руках у нее была стопка розовых брошюрок.

– Самое время, – строго сказала Карен, выхватывая одну из книжечек. – Обслуживание у вас ужасное. Я сижу здесь битых десять минут. – Она раскрыла брошюру. – Я и не надеюсь, что у вас есть скотч.

– Меня зовут Евангелина, – представилась молодая женщина. – Я наставница Пердиты. – Она отобрала книжку у Карен. – Пердита не смогла присоединиться к вам. Она попросила меня прийти вместо нее и объяснить вам нашу философию.

Наставница села на плетеный стул рядом со мной.

– Циклистки ценят свободу больше всего на свете, – изрекла она. – Свободу от всего искусственного – от пилюль, контролирующих фигуру, от синтетических гормонов, свободу от власти мужчин, которые пытаются навязать нам все это. Как вы, вероятно, уже знаете, мы не носим шунтов.

Она показала на красный шарф, завязанный на руке.

– Вместо них мы носим этот символ нашей свободы и нашей женской сущности. Я надела его сегодня, чтобы все знали, что настало время моего цветения...

– У нас такой символ тоже есть, – вставила мамуля. – Только мы носим его под юбкой. Я рассмеялась.

Наставница укоризненно воззрилась на меня.

– Мужчины стремились управлять женским телом задолго до так называемого «Освобождения». Они начали с правительственного контроля над абортами, научного ограничения рождаемости, нарушения прав эмбрионов и в конце концов дошли до амменерола, который вообще уничтожил репродуктивный цикл. Все это было частью тщательно разработанной программы порабощения женского тела, а потом и женской души мужским тираническим режимом.

– Какая интересная точка зрения! – с воодушевлением воскликнула Карен.

Действительно интересная. Правда, на это можно было бы возразить, что амменерол

создали вовсе не для того, чтобы уничтожить менструации. Этот препарат предназначался для лечения злокачественных опухолей, а свойство маточной оболочки усваивать его было обнаружено случайно.

– Вы хотите сказать, – заволновалась мамуля, – что мужчины навязали женщинам шунты? Да нам пришлось бороться со всем и вся, чтобы ФДА одобрил использование амменерола!

И это было правдой. В деле объединения женщин, там, где потерпели поражение суррогатные матери, противники абортот и борцы за права эмбрионов, победила перспектива не иметь менструаций вообще. Женщины стали организовывать митинги, собирать подписи и выдвигать своих сенаторов. Они добивались поправок к законам, их отлучали от церкви и сажали в тюрьмы, и все во имя Освобождения!

– Мужчины были против амменерола, – продолжала мамуля. – Не говоря уже о религиозных фанатиках, производителях гигиенических пакетов и католической церкви...

– Церковь понимала, что тогда придется разрешить женщинам становиться священниками, – заметила Виола.

– Что и произошло, – добавила я.

– Освобождение не освободило вас, – громко заявила наставница. – Разве что от естественных ритмов вашей жизни, самой женской вашей сущности.

Она нагнулась и сорвала ромашку, которая росла под столом.

– Мы, циклистки, празднуем приход наших менструаций и наслаждаемся своим телом, – провозгласила она, воздев ромашку к потолку, словно зная. – Когда у циклистки начинается пора цветения, как мы называем это, мы приветствуем ее цветами, стихами и песнями. Затем мы соединяем руки и вспоминаем все самое лучшее, что есть в наших месячных.

– Отеки, например, – предположила я.

– Или лежание в постели с противным тампоном три дня в месяц, – сказала мать.

– А по-моему, главная прелесть в припадках болезненного беспокойства, – подхватила Виола. – Когда я отказалась от амменерола, чтобы завести Твидж, мне порой мерещилось, будто на меня вот-вот рухнет космическая станция.

Пока Виола говорила, к нам подошла женщина средних лет в цветастой форме и соломенной шляпке и остановилась рядом со стулом моей матери.

– У меня тоже бывали такие перепады настроения, – заметила она. – Я то радовалась жизни, как жеребенок, то была угрюма, что твоя Лиззи Борден.

– А кто такая Лиззи Борден? – поинтересовалась Твидж.

– Она прикончила своих родителей, – пояснил Байш. – Топором.

Карен и наставница переглянулись.

– Кажется, ты должна заниматься математикой, Твидж? – напомнила Карен.

– Мне всегда было интересно, не было ли у Лиззи Борден ПМС, – произнесла Виола, – из-за которого...

– Нет, – возразила мамуля. – Это случилось до тампонов и ибупрофена. Убийство при смягчающих обстоятельствах.

– Не думаю, что сейчас нам помогут разговоры о подобной ерунде, – твердо заявила Карен, метнув на каждого сердитый взгляд.

– А вы – наша официантка? – поспешно спросила я женщину в соломенной шляпке.

– Да, – ответила та, извлекая блокнот из кармана своего комбинезона.

– У вас есть вино?

– Да. Одуванчиковое, первоцветовое и примуловое.

– Мы возьмем все три сорта.

– По бутылке каждого?

– Конечно, – кивнула я, – раз уж вы не подаете их в бочках.

– Сегодня наше фирменное блюдо – арбузный салат и choufleur gratinee [цветная капуста в сухарях (фр.)], – сообщила она, одарив всех улыбкой. Карен и наставница не

улыбнулись в ответ. – Пусть каждый из вас сорвет себе по кочанчику цветной капусты с этой грядки. А еще у нас великолепное сое из бутонов лилии в календуловом масле.

Пока все заказывали первое, наступило временное перемирие.

– Я возьму сладкий горошек, – решила наставница, – и стакан розовой воды.

Байш наклонился к Виоле:

– Простите, что я выглядел таким испуганным, когда ваша бабушка спросила, не вы ли я любовник.

– Да ладно, – ответила Виола. – Бабушка Карен иногда бывает совершенно невыносимой.

– Я просто не хотел, чтобы вы подумали, будто вы мне не нравитесь. Ведь это не так. То есть вы мне нравитесь.

– А у них нет эрзабургеров? – спросила Твидж.

Как только официантка удалилась, наставница разложила свои розовые брошюры.

– Здесь излагается наша философия, – заявила она, протягивая мне одну брошюру, – а также практические сведения о менструальном цикле. – Другую она протянула Твидж.

– В точности как те книжонки, что нам подсовывали в старших классах, – заметила мамуля, взглянув на свой экземпляр. – «Особый Подарок», вот как они назывались. И там были все эти слащавые картиночки, на которых улыбались и играли в теннис девушки с розовыми ленточками в волосах. Издевательство, иначе не назовешь.

Она была права. Там имелось даже то самое знакомое всем со школьной скамьи изображение фаллопиевых труб, которое всегда напоминало мне кадр из первых серий фильма ужасов «Чужой».

– Ой, фу, – сказала Твидж. – Это отвратительно.

– Занимайся своей математикой, – рявкнула Карен.

Байша, похоже, затошнило.

– Неужели женщины и вправду интересуются этой гадостью?

Появилось вино, и я налила каждому по большому бокалу. Наставница неодобрительно поджала губы и покачала головой.

– Циклистки не употребляют искусственных стимуляторов и гормонов, которыми женщин вынудили пользоваться мужчины, чтобы сделать их тупыми и покорными.

– А сколько у вас длятся месячные? – любопытствовала Твидж.

– Бесконечно, – встряла мамуля.

– От четырех до шести дней, – сухо ответила наставница. – Об этом сказано в брошюре.

– Нет, я хочу спросить, всю жизнь или нет?

– Как правило, первые менструации начинаются в двенадцать лет и прекращаются к пятидесяти пяти.

– А у меня это первый раз случилось в одиннадцать лет, – сообщила официантка. – В школе.

– А у меня последняя началась как раз в тот день, когда FDA разрешил использовать амменерол, – сказала моя мать.

– Триста шестьдесят пять разделить на двадцать, – бормотала Твидж, царапая что-то на своей доске, – и умножить на сорок три года... – Она подняла голову. – Это будет пятьсот пятьдесят девять циклов!

– Не может быть, – возмутилась мамуля, отнимая у нее доску. – Их должно быть по меньшей мере пять тысяч.

– И каждый начинается именно в тот день, когда отправляешься в поездку, – заметила Виола.

– Или выходишь замуж, – добавила официантка. Мамуля начала что-то писать на дощечке.

Воспользовавшись временным прекращением огня, я подлила всем одуванчикового вина.

Мамуля оторвалась от доски:

– Нет, вы только подумайте! Учитывая, что «неудобства» продолжаются в среднем по пять суток, вы мучились бы около трех тысяч дней! Ведь это целых восемь лет!

– А в промежутках – ПМС, – заметила официантка, ставя на стол цветы.

– А что такое ПМС? – спросила Твидж.

– «Предменструальный синдром» – название, придуманное медициной мужчин для обозначения естественного колебания гормонального уровня, предвещающего наступление регул, – изрекла наставница. – Эти незначительные и совершенно нормальные изменения мужчины считали чем-то вроде болезни. – Она взглянула на Карен, ожидая подтверждения.

– Я, бывало, отрезала себе волосы, – вспомнила моя свекровь.

Наставница заерзала на стуле.

– Однажды я отхватила с одной стороны все начисто, – продолжала Карен. – Каждый месяц Бобу приходилось прятать ножницы. И ключи от машины. Я начинала рыдать всякий раз, как загорался красный свет.

– А отеки у тебя были? – поинтересовалась мать, наливая Карен очередной стакан одуванчикового вина.

– Да я становилась похожа на Орсон Уэллис!

– А кто такая Орсон Уэллис? – спросила Твидж.

– Ваши комментарии отражают ту ненависть к собственному телу, которую вам привило владычество мужчин! – воскликнула наставница. – Мужчины вывели породу женщин с промытыми мозгами, женщин, которые считают, что месячные – это зло, и даже называют их «проклятием», а все оттого, что приняли точку зрения мужчин.

– А я называла их проклятием, поскольку была уверена, что его наложила на меня злая колдунья, – заявила Виола. – Как в «Спящей красавице».

Все воззрились на нее.

– Ну да, так я и думала, – подтвердила моя старшая дочь. – Это была единственная причина, которую я сумела изобрести. – Она вернула свою книжицу наставнице. – Да я и теперь верю в это.

– По-моему, вы поступили очень храбро, отказавшись от амменерола, чтобы завести Твидж, – сказал галантный Байш.

– Это было ужасно, – с чувством произнесла Виола. – Вы просто не представляете.

Мамуля вздохнула:

– Когда у меня начались месячные, я спросила свою мать, были ли они и у Аннеты.

– А кто такая Аннета? – немедленно заинтересовалась Твидж.

– Девушка-мушкетер, – ответила мамуля и добавила, заметив непонимающий взгляд Твидж:

– Ну та, по телику.

– Высший класс, – сказала Виола.

– «Клуб Микки Мауса», – уточнила мамуля.

– Это что, такая старшеклассница, которую звали Клубника Мауса, что ли? – недоверчиво спросила Твидж.

– Да, это были тяжелые времена – во многих отношениях, – вздохнула я.

Мать испепелила меня взглядом и обратилась к Твидж:

– Аннета была идеалом каждой девочки. У нее были выющиеся волосы, неподдельная грудь и отутюженная юбка в складку. Я просто не могла вообразить, чтобы и ее отягощало нечто столь же _грязное_ и неблагородное. Мистер Уолт Дисней никогда не допустил бы этого. А уж коли у Аннеты этого не было, то, думала я, и мне оно ни к чему. И вот я спросила свою маму...

– А что она ответила? – не выдержала Твидж.

– Она сказала, что такое бывает у каждой женщины. И тогда я поинтересовалась: «Что, даже у английской королевы?» И она ответила: «Даже у королевы».

– Правда? – изумилась Твидж. – Да ведь она такая _старая_!

– Это сейчас у нее ничего нет, – раздраженно сказала наставница. – Я же объяснила

вам, что менопауза наступает примерно в пятьдесят пять лет.

– И тогда у вас начинаются вспышки беспричинной ярости и остеопороз, а на верхней губе вырастают усы, как у Марка Твена.

– А кто такой... – начала было Твидж.

– Вы просто вторите пристрастному мнению мужчин, – прервала ее изрядно покрасневшая Евангелина.

– Знаете, что меня всегда интересовало? – спросила Карен, заговорщицки наклоняясь к мамуле. – Не была ли причиной Фолклендской войны менопауза Мэгги Тэтчер?

– А кто такая Мэгги Тэтчер? – спросила Твидж.

Наставница, лицо которой к этому времени стало почти того же цвета, что ее шарф, вскочила:

– Мне ясно, что с вами бесполезно разговаривать дальше. Мужчины основательно поработали над вашими мозгами. – Она принялась лихорадочно собирать свои брошюры. – Да вы слепы, все вы! Вы даже не понимаете, что являетесь жертвами тайного заговора, цель которого – лишить вас вашей биологической основы, всей вашей женской сущности! Ваше хваленое «Освобождение» вовсе не было освобождением. Это просто новый вид рабства.

– Даже если бы это было правдой, – произнесла я, – даже если это и был заговор, призванный подчинить нас влиянию мужчин, ей-богу, оно того стоило.

– А знаете, Трейси права, – заметила Карен, обращаясь к мамуле. – Совершенно права. Если есть на свете что-нибудь, ради чего стоило бы пожертвовать даже своей свободой, то это, несомненно, избавление от регул.

– Жертвы! – возопила наставница. – У вас украли вашу женственность, а вас это даже не волнует!

И она ринулась к выходу, сокрушив по дороге несколько кабачков и клумбу гладиолусов.

– Знаете, что я ненавидела больше всего до Освобождения? – невозмутимо спросила Карен, выливая остаток одуванчикового вина в свой бокал. – Гигиенические пояса.

– И эти картонные аппликаторы для тампонов.

– Ни за что не стану циклисткой, – заявила Твидж.

– Замечательно, – поддержала я.

– А сладкое будет?

Я подозвала официантку, и Твидж заказала засахаренные фиалки.

– Кто-нибудь еще хочет десерт? – спросила я. – Или вина из примулы?

– По-моему, вы нашли прекрасный способ помочь своей сестре, – промурлыкал Байш, склоняясь к Виоле.

– А реклама «Модакса»? – не унималась мамуля. – Помните, там была такая шикарная девица в шелковом вечернем платье и длинных белых перчатках? А под картинкой написано: «Модакс, потому что...» Я была уверена, что «Модакс» – это такие духи.

Карен хихикнула:

– А я думала, что это сорт _шампанского_!

– По-моему, пить нам уже хватит, – вздохнула я.

На следующее утро, едва я вошла в контору, раздался телефонный звонок. Универсальный. Я испуганно посмотрела на Байша:

– Карен вернулась в Ирак, не так ли?

– Ага, – ответил он. – Виола сказала, что заминка в ее переговорах произошла оттого, что не могли решить, строить на Западном берегу Диснейленд или нет.

– А когда звонила Виола? Байш сонно потянулся:

– Я сегодня завтракал с ней и Твидж.

– О!

Я подняла трубку:

– Вероятно, мамуля хочет сообщить мне план похищения Пердиты. Алло?

– Это Евангелина, наставница Пердиты, – произнес голос в трубке. – Вот теперь вы, наверное, счастливы. Вы вынудили Пердиту смириться с порабощающим владычеством мужчин.

– Я?

– Очевидно, вы обратились к депрограмматору, и я хочу, чтобы вы знали, что мы собираемся подать на вас за это в суд.

И она отключилась. Телефон тотчас же зазвонил вновь. Опять универсальный.

– Какая польза от опознавательных кодов, если ими никто никогда не пользуется? – с горечью заметила я, снимая трубку.

– Привет, мам, – произнесла моя дочь Пердита. – Мне показалось, что тебе будет приятно услышать, что я раздумала становиться циклисткой.

– Да ну? – сказала я, пытаюсь приглушить ликование в голосе.

– Я узнала, почему они носят на руке этот красный шарф. Он символизирует их... ммм... «убил-и-съел».

– Ах, вот как...

– Ну, это еще не все. Наставница рассказала мне о вашем обеде. Так это правда, что бабушка Карен поддержала тебя?

– Да.

– Ух ты! Просто не верится. Но так или иначе, наставница заявила, что вы не стали слушать о том, как это здорово – иметь менструации, и без умолку твердили о негативных сторонах этого явления, вроде опухания, колик и повышенной раздражительности. Тут я спросила, что такое колики. А она говорит: «Боли при менструальном кровотечении». Я так и ахнула: «Какое еще кровотечение? Никто мне не говорил ни о каком кровотечении!» Мама, ну почему ты не сказала мне, что от этого идет кровь?

В свое время я рассказывала ей об этом, но почувствовала, что сейчас разумнее промолчать.

– И ты ни слова не сказала о том, что это больно! И о колебаниях гормонов тоже! Да какой же дуре захочется иметь все эти прелести, если можно не иметь! И как вы все это терпели до Освобождения!

– То было мрачное, тяжелое время, – произнесла я с пафосом, достойным жюри присяжных.

– Еще бы! Ну, во всяком случае, я с этим завязала, и моя наставница была просто вне себя. Но я заявила ей, что это – Решение Независимой Личности и она должна его уважать. Тем не менее я не собираюсь бросать вегетарианство. Даже _не пытайся_ отговорить меня от этого.

– Боже упаси!

– Знаешь, на самом деле во всем виновата ты, мама. Если бы ты с самого начала сказала мне, что это больно, ничего бы не случилось. Все-таки Виола права. Ты нам никогда ни о чем не рассказываешь!